

Сиделников, 2014 – Сидельников Ю. В. Анализ трактовок ключевого понятия «методология». Труды XXII Всероссийского совещания по проблемам управления. (ВСПУ-2014). Стр. 7861 - 7864, Россия, Москва, ИПУ РАН, 16 – 19 июня 2014 г.

Сидельников, Калмыков, 2017 – Сидельников Ю. В., Калмыков Н. С. Методы постановки экспертных задач и их корректировки // Экономика и управление в машиностроении. 2017. № 5. С. 59– 64.

Сидельников, Салтыков, 2008 – Сидельников Ю. В., Салтыков С. А. Процедура установления соответствия между задачей и методом // Экономические стратегии. 2008. №7. С. 102–109.

Словарь, 1990 – Словарь. Под. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. - 2-е изд., испр. И доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.

Стойлова, 2015 – Стойлова Л. П. Математика: учебник для студ. Учреждений высш. образования / Л. П. Стойлова. 5-е издание, стер. М.: Издательский центр «Академия», 2015. 464 с.

Титова, 2014 – Титова Е. И. Различные трактовки понятия «задача» и методика их решения/ Е. И. Титова, А. В. Чапрасова. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2014. № 6 (65). С. 760 -762.

Фридман, Турецкий, 1984 – Фридман Л. М., Турецкий Е. Н. «Как научиться решать задачи». Пособие для учащихся. 2-е изд. М.: Просвещение, 1984. 175 с.

Чагров, 1992 – Чагров А. В. «Континуальность множества максимальных суперинтуиционистских логик со свойством дизъюнктивности», Матем. заметки, 51:2 (1992), 117–123; Math. Notes, 51:2 (1992), 188–193.

Baer, Dirks, Nickerson, 2013 – Baer M., Dirks K. T., Nickerson J. A. Microfoundations of strategic problem formulation. Strategic Management Journal. 2013. vol. 34. pp: 197–214.

УДК 130.2

Финогентов В. Н.,

доктор философских наук, профессор,

Орловский государственный аграрный университет имени Н. В. Парахина

О характере взаимоотношений различных секторов культуры

DOI: 10.33979/2587-7534-2024-1-25-38

В статье обсуждаются наиболее распространенные формы взаимоотношений основных секторов культуры (религии, науки, нравственности и т.д.): «доминирование – подчинение» и «равноправие, автономность». Показывается, что преобладание тех или иных форм указанных взаимоотношений ведет к становлению различных типов культуры: моноцентрической культуры, полицентрической культуры, «лоскутной»

культуры. Далее кратко описываются эти типы культуры. Более подробно характеризуется такой вариант моноцентрической культуры, как религиозноцентрическая культура. Особое внимание уделяется также рассмотрению полицентрической культуре, формирующейся на основе высших человеческих ценностей. Подчеркивается, что именно с таким вариантом полицентрической культуры человечеству, по всей видимости, следует связывать надежды на более или менее благополучное будущее.

Ключевые слова: культура, сектор культуры, моноцентрическая культура, религиозноцентрическая культура, полицентрическая культура, «лоскутная» культура.

Finogentov V. N.,
doctor of philosophy, Professor,
Oryol state agrarian University named after N. V. Parakhin

On the nature of the relationship between different sectors of culture

The article discusses the most common forms of relationships between the main sectors of culture (religion, science, morality, etc.): "dominance – subordination" and "equality, autonomy". It is shown that the predominance of certain forms of these relationships leads to the formation of various types of culture: monocentric culture, polycentric culture, "patchwork" culture. These types of culture are briefly described below. Such a variant of monocentric culture as a religio-centric culture is characterized in more detail. Special attention is also paid to the consideration of a polycentric culture formed on the basis of higher human values. It is emphasized that it is with such a variant of polycentric culture that humanity, most likely, should pin hopes for a more or less prosperous future.

Keywords: culture, cultural sector, monocentric culture, religio-centric culture, polycentric culture, "patchwork" culture.

Хорошо известно, что в философской литературе представлены различные истолкования культуры. Я исхожу здесь из предельно широкого понимания культуры, рассматривая культуру как специфическую, собственно человеческую надстройку над природным бытием. При таком понимании культура, по крайней мере, достаточно зрелая культура, включает в себя многообразные специализированные составляющие общественной жизни: экономику, технику, политику, религию, право и т.д. Все такие составляющие я буду далее называть секторами культуры. Иначе говоря, при таком понимании культуры она представляет собой сложную систему разнообразно взаимосвязанных, проникающих друг в друга секторов. Именно эти взаимоотношения различных секторов культуры и будут в данной статье предметом моего анализа.

Предвосхищая этот анализ, отмечу, что ниже я буду исходить из определенного, весьма естественного и достаточно простого, представления о структуре каждого сектора культуры. А именно: каждый сектор культуры я буду представлять состоящим из двух компонентов. Во-первых, – это своего рода «жесткое ядро», задающее сущность, природу этого сектора. Во-вторых, – это некая «периферия», которая, с одной стороны, защищает соответствующее «жесткое ядро», с другой стороны, является результатом взаимодействия данного сектора с другими секторами культуры. Конечно, «периферия» и «жесткое ядро» каждого сектора культуры нуждаются в соответствующей содержательной характеристике. Очевидно, что это задача весьма сложная и объемная, и я ни в коей мере не претендую здесь на ее решение. Для достижения целей данной статьи достаточно считать, что при необходимости эту задачу можно решить, хотя бы в первом приближении. Иначе говоря, я буду здесь предполагать, что в принципе, приложив определенные усилия, можно перечислить, с одной стороны, основные, с другой стороны, второстепенные признаки каждого сектора культуры. То есть, в принципе, всегда можно указать признаки, делающие науку наукой, нравственность – нравственностью, религию – религией и так далее. И точно так же при необходимости можно указать такие – несущественные («периферийные») – признаки, теряя которые, наука останется наукой, нравственность – нравственностью, религия – религией и т.д.

Итак, не входя пока в детали, зачастую весьма существенные, выделю два основных типа взаимоотношений между различными секторами культуры: 1) «доминирование – подчинение» и 2) «равноправие – автономность».

Далее я даю краткую характеристику этих типов взаимоотношений различных секторов культуры и соответствующих видов культуры.

Прежде всего, я рассмотрю такой тип взаимоотношений различных секторов культуры, как «доминирование – подчинение».

В первую очередь надо сказать, что «доминирование – подчинение» – это очень распространенный тип отношений различных секторов культуры. Такие – явно асимметричные – отношения имеют место тогда, когда один сектор культуры главенствует над другим (другими) сектором (секторами). Такие отношения имеют место, когда данный сектор в той или иной мере подавляет, контролирует, формирует этот (эти) другой (другие) сектор (сектора).

Следует иметь в виду, что такой тип взаимоотношений различных секторов культуры, в свою очередь, может осуществляться в нескольких формах. Эти формы отличаются друг от друга по двум параметрам. А именно: а) по степени распространенности доминирования того или иного сектора культуры и б) по силе, интенсивности его доминирования.

По степени распространенности доминирование некоторого сектора культуры может быть «локальным». Кроме того, рассматриваемое в этом плане доминирование некоторого сектора культуры может быть «глобальным».

По силе (интенсивности) доминирование сектора культуры, с одной стороны, может быть слабым («периферийным»). С другой стороны,

доминирование, рассматриваемое в этом плане, может быть сильным (радикальным).

Далее я в общих чертах представлю только что перечисленные варианты рассматриваемого типа отношений различных секторов культуры и проиллюстрирую их соответствующими примерами.

Итак, локальным доминированием данного сектора культуры я буду называть такое его доминирование, которое распространяется только на один (ближайший, соседний) сектор культуры или на несколько (ближайших, соседних) секторов культуры.

Так, например, начиная с девятнадцатого столетия, в культуре Западной Европы наука как сектор культуры стала доминировать по отношению к образованию как иному сектору культуры. Это проявилось в том, что, во-первых, именно научное знание стало в это время основным содержанием и среднего, и высшего образования. Во-вторых, само образование стало в это время организовываться и осуществляться на научной основе, на основе научной методики и т.п. Такая форма доминирования науки по отношению к образованию, несомненно, оказалась весьма плодотворной. Она принесла культуре указанного периода и мировой культуре множество выдающихся достижений. Но постепенно эта – ориентированная преимущественно на науку – система образования стала, на мой взгляд, все более отчетливо демонстрировать свою односторонность. Дело в том, что образование должно приобщать следующие поколения не только к научным знаниям и к научной методологии, но и к ценностям, накопленным в других секторах культуры (искусство, нравственность, религия...). Иначе говоря, образование должно приобщать следующие поколения к культуре как к целостности, а не только к достижениям какого-то одного ее сектора. В качестве другого примера рассматриваемой сейчас формы отношений различных секторов культуры можно указать на «панморализм», в определенной мере свойственный отечественной культуре девятнадцатого – начала двадцатого веков. Как известно, панморализм проявлялся, в частности, в утверждении своеобразного первенства (доминирования) морали по отношению к праву. Такое первенство провозглашали многие отечественные мыслители указанного периода (Л. Н. Толстой, Н. А. Бердяев и другие). Опять-таки, с одной стороны, такое доминирование морали по отношению к праву может привести к позитивным результатам. В частности, оно может помочь сделать систему права соответствующего общества более гуманной, более справедливой и нравственной. С другой стороны, это же доминирование может вести общество к недооценке самоценности и самостоятельности права и даже к правовому нигилизму.

Глобальным доминированием некоторого сектора культуры я буду называть такое его доминирование, которое распространяется на большинство секторов данной культуры. В предельном случае доминирование данного сектора культуры может распространиться даже на все секторы изучаемой культуры.

В качестве показательного примера такого доминирования можно указать на абсолютное доминирование религии в западноевропейской средневековой культуре по отношению ко всем другим секторам этой культуры. Это доминирование проявлялось в том, что религия (христианская религия в форме католицизма), по сути, детерминировала в ту эпоху состояние и тенденции эволюции большинства других секторов указанной культуры: искусства и нравственности, образования и политики, и т.д. Ниже я еще вернусь к характеристике культуры такого рода. Не менее ярким примером доминирования рассматриваемого вида является советская культура, в которой долгое время по отношению, можно сказать, ко всем секторам культуры доминировала коммунистическая идеология. Как известно, именно такая идеология в значительной мере определяла в названной культуре состояние и тенденции развития политики и экономики, науки и образования, и так далее. В самом общем плане о такой культуре следует сказать, что эволюция такой культуры в конечном итоге приводит к насильственному насаждению идеологически выверенных норм и образцов во всех ее секторах и, соответственно, – к деформации, выхолащиванию и деградации этих секторов. Достаточно в связи с этим вспомнить, к каким трагическим последствиям для развития многих наук в нашей стране в 30-50-е годы привело вмешательство в них идеологии.

Слабое доминирование некоторого сектора культуры проявляется в том, что этот сектор в определенной степени детерминирует, формирует состояние «периферийных» составляющих другого (других) сектора (секторов) культуры.

Примерами такого доминирования являются некоторые формы вмешательства политики в сферу социогуманитарных наук. Я имею здесь в виду те формы такого вмешательства, которые не искажают самой сути указанных наук, в частности не искажают основополагающих знаний, фигурирующих в таких науках. Речь в данном случае может идти, в частности, о политической ангажированности специалистов в названных науках, проявляющейся в выборе предметов их исследования, в большем внимании, уделяемом этим специалистом истории страны, родной для этого специалиста и т.п.

Соответственно, сильное доминирование некоторого сектора культуры заявляет о себе, когда данный сектор формирует (деформирует) указанное выше сущностное ядро другого (других) сектора (секторов) культуры.

Так, например, нередко вмешательство политики в сферу социогуманитарных наук принимает форму именно сильного доминирования. Я имею в виду такое вмешательство политики в указанную сферу, в результате которого указанные науки, по сути, перерождаются в псевдонауки. Соответствующее перерождение социогуманитарных наук в псевдонауки проявляется, в частности, в том, что представители этих наук (или уже псевдонаук?!) в своих трудах в угоду текущей политике сознательно и систематически фальсифицируют историю, занимаются апологией

соответствующего политического режима, очерняют представителей иных партий и других этнополитических сообществ и т.д.

Понятно, что формы доминирования определенного сектора культуры правомерно различать также, опираясь на различные комбинации введенных выше параметров. В таком случае следует говорить о таких формах доминирования некоторого сектора культуры, как: а) слабое и локальное его доминирование, б) слабое и глобальное его доминирование, в) сильное и локальное его доминирование, г) сильное и глобальное его доминирование.

Названия перечисленных четырех форм доминирования отчетливо раскрывают их особенности, поэтому я не буду сейчас давать их подробное описание.

Отмечу только, что особый интерес в контексте темы данной статьи представляет вариант «сильного и глобального» доминирования некоторого сектора культуры. Дело в том, что в результате такого доминирования формируется очень интересный и показательный тип культуры, а именно: формируется моноцентрическая культура.

Из вышесказанного понятно, что моноцентрическая культура характеризуется наличием у нее господствующего, абсолютно и повсеместно доминирующего сектора. Этот сектор и образует единственный центр такой культуры. Можно сказать, что в такой культуре все остальные ее секторы «излучаются» доминирующим сектором. Можно сказать также, что все остальные секторы такой культуры имеют служебный, вторичный, вспомогательный характер по отношению к доминирующему сектору. Правомерным представляется также утверждение, согласно которому господствующий сектор такой культуры санкционирует другие ее секторы. Иначе говоря, этот сектор диктует им «правила игры», устанавливает для них пределы допустимого и фиксирует то, что для них запрещено. Таким образом, можно сказать, что в моноцентрической культуре доминирующий сектор формирует все остальные ее секторы. По сути, доминирующий сектор превращает их в свои специализированные органы. В таком случае вся моноцентрическая культура представляет собой чудовищно разросшийся и дифференцировавшийся доминирующий сектор.

Несомненно, что моноцентрическая культура имеет целый ряд преимуществ и сильных сторон. Прежде всего, она характеризуется высокой степенью интегрированности, целостности. Целостность такой культуры достигается за счет уже отмеченной, по сути, полной зависимости всех других секторов культуры от ее господствующего сектора. Такого рода целостность культуры, по сути, полностью исключает конкуренцию между «остальными» ее секторами. Все секторы такой культуры должны дружно трудиться на благо ее доминирующего сектора. Это в свою очередь объясняет стабильность, долговременность существования некоторых вариантов такой культуры. Следует подчеркнуть также, что моноцентрическая культура – это, так сказать, органическая, иерархически организованная культура. Она, как правило, имеет, по сути, общепринятую, устоявшуюся систему ценностей. Причем, эта система

ценностей, разумеется, продиктованная соответствующим доминирующим сектором, рассматривается представителями такой культуры как единственно возможная и абсолютно истинная. Такая культура имеет также достаточно надежные, проверенные временем способы решения социально-политических, экономических и экзистенциальных проблем.

С другой стороны, моноцентрическая культура – это «жесткая», замкнутая культура. Это – социальная система, склонная к консерватизму и к застойному образу жизни. Общество, в котором сформировалась и функционирует такая культура, склонно либо к изоляционизму, либо к проведению экспансионистской политики, то есть к насаждению своего – «истинного» – образа жизни у других народов. Чаще всего такое общество негативно относится к инновациям, к какой бы сфере жизни они не относились. Как уже сказано, такая культура склонна к сакрализации определенного набора ценностей. Такая культура склонна также к излишней регламентации общественной и частной жизни людей. Как показывает опыт истории, общество, в котором сложилась такая культура, тяготеет к авторитаризму и даже тоталитаризму.

Конечно, автора могут спросить: где вы видели такую – моноцентрическую – культуру? – Разумеется, моноцентрическая культура – это теоретический конструкт, это идеальный тип (см. об этом также в моей книге [Финогентов, 2009: 235-244]). Иначе говоря, в чистом виде такая культура в истории человечества никогда не осуществлялась и, наверняка, никогда не осуществится в будущем. Но знакомство с историей человечества убедительно показывает, что культуры многих сообществ очень близко подходили по своим характеристикам к только что описанным характеристикам моноцентрической культуры. Поэтому введение такого конструкта представляется полезным для обсуждения, по крайней мере, некоторых проблем философии культуры. По всей видимости, ближе всех по своим характеристикам к моноцентрической культуре подходили различные варианты религиозноцентрической культуры.

Само название говорит, что религиозноцентрическая культура – это такая культура, в которой именно религия играет центральную и главенствующую роль, в которой, иначе говоря, имеет место глобальное и сильное доминирование соответствующей религии, ее сильное доминирование по отношению ко всем другим секторам этой культуры.

На мой взгляд, религиозноцентрический характер имели многие локальные культуры на различных этапах их эволюции. Как я уже отмечал, религиозноцентрической была, в частности, культура Западноевропейского Средневековья. Другим ярким примером религиозноцентрической культуры являлась также культура средневековой Руси. Хорошо известно, что в этих культурах религия не только претендовала на центральную и все определяющую роль в жизни человека и общества, но и в действительности играла такую роль. Именно это подчеркивал В. О. Ключевский, характеризуя взаимоотношения религии, науки и искусства в средневековой Руси. В связи с этим он указывал, в частности: «Наука и искусство ценились в Древней Руси по

их связи с Церковью, как средства познания Слова Божия и душевного спасения». И далее: «Знания и художественные украшения жизни, не имевшие такой связи и такого значения, рассматривались как праздное любопытство неглубокого ума или как лишние несерьезные забавы...» [Ключевский, 2005: 497-498].

Впрочем, обязательно следует иметь в виду, что религиозноцентрическая культура не привязана жестко исключительно к эпохе Средневековья. Многие авторы и в двадцатом веке, и в наши дни настаивали и настаивают на том, что культура по сути своей не только может, но и должна быть религиозноцентрической.

Так, выдающийся протестантский теолог и религиозный философ П. Тиллих писал в связи с этим: «Религия – субстанция культуры, культура – форма религии» [Тиллих, 1995: 266]. Он подчеркивал также, что характерное для современности «существование религии как особой области» (как особого сектора культуры, говоря языком данной статьи) – это «наиболее очевидное свидетельство падшести человека» [Тиллих, 1995: 265]. П. Тиллих неоднократно выражает надежду на то, что религия вновь станет всепроникающим и все определяющим началом культуры.

Почти теми же словами, что и П. Тиллих, на эту тему писал Н.А. Бердяев. В частности, он настаивал на том, что религия не может быть автономной от других сфер жизни человека и общества, что, тем более, автономными по отношению к ней не могут быть другие сферы культуры [Бердяев, 2004: 555]. Он настойчиво провозглашал, что «ни одна из сторон культуры не может ... остаться религиозно нейтральной», что «познание, мораль, искусства, государство, хозяйство должны стать религиозными» [Бердяев, 2004: 568, 569]. Можно было бы привести здесь немало аналогичных формулировок из трудов других широко известных религиозных авторов. Очень показательны в рассматриваемом контексте характеристики взаимоотношений религии и искусства, данные С.Н. Булгаковым в книге «Свет невечерний». Он совершенно откровенно говорит о том, что искусство должно быть служанкой религии, что искусство должно быть «аскетическим послушанием» религии, что, обособившись от религии, искусство превратилось в один из «секуляризованных обломков некогда целостной культуры» [Булгаков, 1994: 326, 327, 328] и т.д.

Одним словом, только что цитированные и многие другие религиозные мыслители по-прежнему убеждены в том, что культура по природе своей всегда должна быть религиозноцентрической. Они почему-то не хотят видеть, что религиозная оболочка давно уже стала слишком тесной для культуры в целом. Они не хотят видеть, что религиозные рамки и «скрепы» являются в большинстве случаев слишком узкими и жесткими, что они не дают достаточного простора для развития иных секторов культуры: науки, искусства, образования и т.д. Они не хотят видеть, что эти – религиозные – рамки и «скрепы» зачастую просто искажают сущность многих секторов культуры, значительно обедняют их креативный потенциал.

В связи со сказанным значительный интерес представляет вопрос: почему именно религиоцентрическая культура является наиболее весомо представленным в истории человечества вариантом моноцентрической культуры? – Конечно, на этот вопрос могут быть различные, существенно отличающиеся друг от друга ответы.

Если не стоять на откровенно теологических позициях, то можно предположить, в частности, что ответ на этот вопрос связан с самим генезисом культуры.

Очевидно, что становление культуры, иными словами становление именно надбиологических форм жизни сообществ наших далеких предков было возможно только на основе принципиально новых, то есть надбиологических, и непременно чрезвычайно сильных регулятивов. На страже этих регулятивов (в частности запретов и поощрений, обещаний) в формирующемся человеческом обществе должно было стоять нечто неизмеримо могущественное. Это нечто должно было быть одновременно и ужасным, и таинственным, и повергающим в трепет, и восхищающим наших далеких предков. Без такого гаранта эти принципиально новые (надбиологические) регулятивы не были бы достаточно действенными, и, соответственно, новые (социокультурные) формы жизни просто не сформировались бы.

Таким образом, в самом истоке культуры лежит «зародыш» того, что впоследствии стали называть священным, сакральным. Этот «зародыш» сакрального логично назвать протосакральным. По всей видимости, для сообществ, проходивших самые ранние стадии развития культуры, вся действительность была протосакральной, пронизанной указанным могущественным и таинственным гарантом.

Значительно позже произошел драматический раскол единой протосакральной действительности на две принципиально различные сферы, на сакральное и мирское (профанное). Следует полагать, что именно с этим расколом было связано становление религии, которая и взяла на себя функцию связи человека с миром сакрального. При этом, разумеется, сакральное сохранило качества всемогущества, величия, таинственности и т.п. (см. об этом [Отто, 2008], [Элиаде, 1994].) С того же времени сакральное, божественное стало рассматриваться также как источник и гарант не только собственно религиозных, но и всех других ценностей: этических ценностей, эстетических ценностей, познавательных ценностей и т.д. Соответственно, религия (церковь) в то время стала не только претендовать на центральную и основополагающую роль в жизни человека и общества, но и в действительности играть такую роль. Именно тогда и сформировались различные варианты религиоцентрической культуры.

Наверное, до поры до времени, то есть до тех пор, пока эти – «другие» – ценности не стали достаточно весомы и авторитетны, такая – центральная – роль религии была вполне обоснованной, оправданной. Однако детство «других» секторов культуры рано или поздно должно было закончиться. Поэтому в ходе развития культуры они должны были выйти из-под опеки

религии, они должны были обрести известную меру самостоятельности. И, таким образом, культура на определенной стадии ее развития должна была преодолеть этап религиозноцентрической культуры.

О том, что культура совсем не обязательно должна быть религиозноцентрической, и о том, что преодоление религиозноцентричности культуры в ходе развития культуры естественно и закономерно, убедительно говорит опыт секуляризации культуры, идущей на протяжении нескольких последних столетий во многих регионах нашей планеты. Конечно, иногда реальный процесс секуляризации принимал насильственные, антигуманные и даже преступные формы. – Такое, к сожалению, было. И, как говорится, «из песни слова не выкинешь». Но в целом секуляризацию, которую в контексте данной статьи следует понимать как преодоление сильного доминирования религии по отношению к другим секторам культуры, на мой взгляд, следует рассматривать как закономерный и прогрессивный процесс. Иначе говоря, такую секуляризацию следует понимать как процесс, продвигающий человечество к более свободному и разумному образу жизни. Такую секуляризацию следует понимать также как процесс, продвигающий человечество от моноцентрической (религиозноцентрической) культуры к культуре, которую следует называть полицентрической. – О такой культуре я пишу ниже.

Подчеркну, что целью, так понимаемой, секуляризации отнюдь не является полное вытеснение религии из жизни человека и общества, и, тем более, такой целью не является совершенно неправомерное запрещение религии. В контексте данной статьи в качестве основной цели секуляризации следует рассматривать именно превращение религии в один из самоценных и автономных секторов культуры. Иными словами, речь идет о превращении религии в процессе секуляризации в такой – относительно самостоятельный – сектор культуры, который будет выстраивать долговременные и цивилизованные отношения с другими секторами культуры. Речь идет о превращении религии в такой сектор культуры, который, в частности, не будет претендовать на привилегированную и доминирующую роль, тем более, – на роль единственного и всемогущего центра культуры.

Добавлю к сказанному, что все выше перечисленные формы доминирования тех или иных секторов культуры можно рассматривать также как разновидности конкуренции, борьбы различных секторов культуры друг с другом. Разумеется, речь не идет здесь о том, что, например, сама по себе нравственность как-то борется с религией или сама по себе политика как-то борется с правом и т.д. Речь идет здесь о конкуренции (и даже борьбе) друг с другом соответствующих сообществ и их представителей. Иными словами, речь идет о, в общем-то, достаточно естественном и распространенном явлении конкуренции представителей различных сообществ (религиозного сообщества, научного сообщества, сообщества политиков и т.д.) за, образно говоря, «место под солнцем». Речь идет о естественной и, по сути, повсеместной конкуренции

представителей таких сообществ за степень их влияния на жизнь общества и отдельного человека, за финансовые и материальные и т.п. ресурсы общества.

Такая конкуренция, конечно, может иметь и негативные последствия. Кстати, некоторые из них мной уже были указаны. В целом, негативные последствия такой конкуренции и борьбы имеют место тогда, когда некоторый сектор (или некоторые секторы) культуры на определенном этапе развития культуры осуществляет экспансию на территорию других секторов, подавляет и искажает их. В таком случае почти неизбежно происходит обеднение, деформация и ослабление этих – подавляемых – секторов культуры, а затем и деградация общей системы культуры. На этом пути – пути формирования нового сильно доминирующего сектора – рассматриваемая культура может приблизиться к одному из возможных вариантов моноцентрической культуры. Действительно, история человечества знает немало примеров, когда тот или иной сектор культуры претендовал на первенство, на роль сильно доминирующего сектора. Здесь можно было бы вспомнить эпохи, когда на роль такого сектора (помимо религии) претендовали политика, экономика, наука... Вспомним в связи с этим те течения общественной мысли, которые, по сути, пропагандировали соответствующие варианты моноцентрической культуры. Так, сторонников экономического детерминизма можно рассматривать как пропагандистов моноцентрической культуры, в которой роль доминирующего, центрального сектора играет экономика. Сторонников сциентизма можно рассматривать как пропагандистов моноцентрической культуры, в которой роль доминирующего, центрального сектора играет наука. И т.д.

Используя понятие, широко применяемое в синергетике, можно утверждать в связи с только что сказанным, что моноцентрическая культура в различных ее вариациях является своего рода аттрактором развития культуры. Только что указанное понятие строго определяется, например, в книге «Время, хаос, квант» [Пригожин, Стенгерс, 1994: 74-80]. Для наших – гуманитарных – целей достаточно, так сказать, описательного определения аттрактора. А именно: в качестве аттрактора мы будем понимать определенное будущее состояние или некоторое множество будущих состояний эволюционирующей системы, к которому (к которым) как бы стремится эта система. Другими словами, аттрактор эволюционирующей системы – это такое ее будущее состояние (или такие ее будущие состояния), которое как бы притягивает к себе все возможные варианты будущей эволюции этой системы. Так вот, моноцентрическая культура в разных ее вариантах и является таким будущим состоянием, к которому сходятся многие возможные траектории развития различных локальных культур.

Еще одним негативным последствием конкуренции между различными секторами культуры может быть такой вариант развития культуры, который характеризуется тем, что каждый ее сектор абсолютизирует свою автономность и начинает, так сказать, «работать только на себя». Дело в том, что у каждого сектора культуры есть то, что можно назвать его собственной логикой развития. И если все (или хотя бы некоторые) секторы культуры, забыв о

единстве культуры, к которой они принадлежат, начнут развиваться, руководствуясь сугубо своими собственными, внутренними логиками, то это неизбежно приведет эту культуру к драматическим диспропорциям, к разрыву ее на отдельные слабо связанные друг с другом составляющие. Это может привести такую культуру к хаосу, к деградации и даже к гибели. Особенно показательным в этом плане является ситуация в таком секторе нынешней культуры, как сектор техники и технологии. В последние десятилетия многие исследователи обоснованно указывают на угрожающее нарастание темпов развития этого сектора. Они предупреждают, что развитие этого сектора, в соответствии с присущей ему логикой, уже в ближайшем будущем может выйти из-под контроля человечества (см. об этом, в частности [Виндж, 2019]). Это, несомненно, будет иметь разрушительные для культуры и человечества последствия.

Различные варианты такого рода несогласованного друг с другом, разобщенного развития различных секторов культуры нередко имели место и в прошлом. Достаточно условно можно назвать соответствующую культуру «лоскутной культурой». Это название указывает, что культура рассматриваемого типа состоит из отдельных, слабо связанных друг с другом секторов («лоскутов»). Разнообразные варианты «лоскутной культуры» могут заявить о себе и в будущем. Вряд ли такую культуру можно рассматривать как благополучную, плодотворную и перспективную.

С другой стороны, можно предположить, что в значительной степени именно через такую конкуренцию различных секторов культуры определяется своеобразие, место и значимость каждого сектора культуры в общей системе культуры. Такая конкуренция может также способствовать повышению жизнеспособности отдельных секторов культуры. Она может делать их более стойкими и изобретательными.

Теперь я кратко рассмотрю такой тип взаимоотношений различных секторов культуры, который характеризуется понятиями «равноправие» и «автономность».

Действительно, вполне можно представить себе такую культуру, в которой, с одной стороны, все секторы в достаточной мере автономны и, с другой стороны, они образуют гармоническое единство, целостность. В такой культуре отношения между различными ее секторами носят преимущественно симметричный характер, характер взаимного, стимулирующего влияния. Такая культура представляет собой систему специализированных, автономных, самоценных и, по сути, равноправных секторов. Именно такой является та культура, которую выше я назвал полицентрической культурой.

Само название такой культуры говорит о том, что в ней нет привилегированного и господствующего сектора, играющего роль ее единственного центра. Соответственно, в такой культуре каждый ее сектор может быть назван ее центром. Следовательно, в такой культуре много центров: центров в ней столько, сколько в ней самостоятельных, самоценных секторов. Можно предположить, что по мере развития полицентрической

культуры количество таких секторов будет увеличиваться. Иными словами, в ходе развития полицентрической культуры будут появляться новые самоценные ее секторы. Таким образом, полицентрическая культура, в отличие от одноцветной моноцентрической культуры, – это многоцветная культура, причем ее многоцветье в ходе ее развития будет, по всей видимости, нарастать.

Здесь, как мне представляется, уместно привести следующую поясняющую метафору. А именно: моноцентрическую культуру в некотором смысле можно уподобить монотеизму. Роль единственного всемогущего Бога, Вседержителя монотеизма в такой культуре играет абсолютно и глобально доминирующий сектор культуры, играющий одновременно роль единственного центра такой культуры. Соответственно, полицентрическую культуру в рамках обсуждаемой метафоры можно уподобить политеизму. Точно так же, как в политеизме фигурирует множество более или менее равноправных богов, взаимодействующих друг с другом, богов, каждый из которых отвечает за определенный регион действительности, в полицентрической культуре фигурирует множество более или менее автономных специализированных секторов культуры, многообразно связанных друг с другом. Правда, различные боги политеизма, как известно, не всегда мирно сотрудничают друг с другом. А различные секторы полицентрической культуры, так сказать, по определению, находятся в гармонических и плодотворных отношениях друг с другом. Примером такого рода отношений могут служить, на мой взгляд, взаимосвязи современной науки и современной техники.

Полицентрическую культуру можно рассматривать как культуру, которая, в принципе, способна преодолеть негативные черты двух кратко охарактеризованных выше типов культуры: моноцентрической культуры и «лоскутной культуры». Обзор истории человечества показывает, что иногда в тех или регионах основы такой – полицентрической – культуры складывались. Можно достаточно обоснованно утверждать, например, что античная культура в определенный период ее развития (культура древнегреческих полисов 6-4 веков до нашей эры) была близка к полицентрической. Западноевропейская культура, начиная с эпохи Возрождения, несомненно, развивается в направлении полицентрической культуры. В наши дни большинство локальных культур, так иначе, продвигаются в этом направлении.

Разумеется, единство и полная гармония различных секторов полицентрической культуры – это недостижимый идеал. Но этот идеал может выступать в качестве ориентира, направляющего деятельность человека и человечества. Понятно, что даже достижимые формы единства и гармонии различных секторов культуры должны иметь какие-то мощные основания. Наиболее логичным и предпочтительным, по моему убеждению, является вариант «единства и гармонии» различных секторов культуры, достигаемый на основе высших человеческих ценностей. Высшие человеческие ценности давно и хорошо известны. Это – добро и истина, красота и свобода, справедливость и милосердие, и т.д. Но вся мудрость человечества понадобится для того, чтобы

попытаться гармонически соединить разнообразные, специализированные секторы культуры, выстроенные на основе этих ценностей.

Сложность осуществления такого варианта полицентрической культуры, кроме всего прочего, заключается в том, что некоторые секторы культуры, как свидетельствует история человечества, по природе своей трудно совместимы с указанными высшими человеческими ценностями и поэтому, как кажется, они не могут быть выстроены на основе этих ценностей. Действительно, как выстроить на основе справедливости и милосердия, например, политику и экономику?! Но трудность указанного совмещения, конечно, не означает невозможности такого совмещения. Поэтому правомерно предположение, согласно которому построение полицентрической культуры на основе высших человеческих ценностей все-таки возможно. Но, несомненно, построение такой культуры явится радикальным преобразованием нынешней культуры. Иными словами, построение такой культуры явится настоящей гуманистической революцией.

Понятно, что полицентрическая культура, наряду с моноцентрической культурой и «лоскутной культурой», также может рассматриваться в качестве аттрактора развивающейся культуры. И, хотя вероятность осуществления полицентрической культуры гораздо меньше вероятностей осуществления моноцентрической культурой и «лоскутной культурой», именно с полицентрической культурой человечеству, как мне представляется, следует связывать надежды на более или менее благополучное будущее.

Список литературы

Бердяев, 2004 – *Бердяев Н. А.* Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: ООО АСТ; Харьков: Фолио, 2004. 678 с.

Булгаков, 1994 – *Булгаков С.Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.

Виндж, 2019 – *Виндж В.* Сингулярность. М.: АСТ, 2019. 150 с.

Ключевский, 2005 – *Ключевский В. О.* Русская история. М.: Эксмо, 2005. 912 с.

Отто, 2008 – *Отто Р.* Священное. Об иррациональном в идее в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 272 с.

Пригожин, Стенгерс, 1994 – *Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. 272 с.

Тиллих, 1995 – *Тиллих П.* Избранное: Теология культуры. М.: Юрист, 1995. 479 с.

Финогентов, 2009 – *Финогентов В. Н.* Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2009. 304 с.

Элиаде, 1994 – *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144с.